

Моим родителям Руфи Ханне Розенкранц (1928–2015)
и Арнольду Розенкранцу (1923–1999),
с которыми я отправлялся
в мои самые первые путешествия.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
БЛАГОДАРНОСТИ	14
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	17
ПУТЕВОЙ ДНЕВНИК	105
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ	
Текст 1. От Санэхико Ямамото.....	163
Текст 2. Отчет о беседе с проф. Эйнштейном в день его отъезда в Японию, 29 сентября 1922 года...	164
Текст 3. Речь на приеме в Сингапуре.....	165
Текст 4. «О моих впечатлениях от Японии».....	166
Текст 5. К Санэхико Ямамото	173
Текст 6. К Гансу Альберту и Эдуарду Эйнштейну	174
Текст 7. К Вильгельму Зольфу	175
Текст 8. К Джуну Ишиваре	176
Текст 9. К Бансуи Цутии (Дои).....	176

Текст 10. К Эйти Цутии (Дои)	178
Текст 11. К Йоши Ямамото.	178
Текст 12. Речь на еврейском приеме в Шанхае.	179
Текст 13. К Сванте Аррениусу	179
Текст 14. К Нильсу Бору.	180
Текст 15. К Японскому <i>Puroretaria Domei</i>	181
Текст 16. К Артуру Руппину	183
Текст 17. «Проф. Эйнштейн о своих впечатлениях от Палестины»	183
ХРОНОЛОГИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ	187
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	195
ПРИМЕЧАНИЯ	197
<i>Историческая справка</i>	197
<i>Путевой дневник</i>	211
<i>Дополнительные материалы</i>	265

Предисловие

Я вырос в пяти минутах ходьбы от пляжа, на берегу залива в Сент-Килде, пригороде Мельбурна в Австралии. Дело было в 1960-х — начале 1970-х, когда пригород Сент-Килда все еще пользовался сомнительной репутацией — с тех пор приток жителей среднего класса частично поменял его облик. А тогда на Акланд-стрит стояли еврейские беженцы из Европы и разговаривали на языках, которых я не понимал. Мой дедушка со стороны матери, еврей англо-голландского происхождения — который сам иммигрировал в Австралию из Лондона сразу после Первой мировой войны, — обычно звал этих новых иммигрантов *refs* (уничжительное от английского *refugees* — «беженцы»).

Мой отец, уроженец Вены, любил брать меня с собой на еженедельную часовую прогулку — три мили вдоль набережной Бикенсфилд к пристани Стэйшн-пир в Мельбурнском порту, чтобы посмотреть на океанские лайнеры, которые стояли в тамошних доках. Его всегда тянуло к морю. Он родился в Вене, окруженной сушей, а в конце 1938 года бежал в Шанхай, где прожил десять лет, из которых почти четыре года провел в японской оккупации, в еврейском гетто с ужасными условиями. В конце Второй мировой войны он подружился с заезжими американскими матросами. В 1948 году, будучи убежденным сионистом, он отправился — на втором корабле с еврейскими беженцами из Шанхая — в только что созданное государство Израиль.

Но и эта страна не могла удержать моего отца (который был самым воплощением Агасфера) надолго. В 1950 году он вернулся в Вену, в основном из-за ностальгии. Шесть лет спустя он уже опять плыл по морю — на этот раз в Австралию, чтобы начать там новую жизнь и заодно посмотреть на Олимпийские игры. Еще через несколько лет он встретил мою мать, которая родилась в Мельбурне. Но его «охота к перемене мест» не утихла, и когда мне было почти одиннадцать лет, мы пришли на пристань Стэйшн-пир уже как пассажиры.

Так портной-ремигрант отправился со своей семьей в четырехнедельное путешествие на итальянском корабле обратно в Европу, обогнув Мыс Доброй Надежды (Суэцкий канал все еще был заблокирован из-за Шестидневной войны). Жизнь на океанском лайнере мне показалась скучной: для «детской комнаты» я уже был слишком большой, а для взрослых развлечений — слишком маленький. Но на пароходе у меня появились друзья, и я проводил время с ними. Я все еще живо помню, как часто на корабле объявляли, что нужно перевести стрелки часов на полчаса назад, потому что, огибая земной шар, мы переходили из одной часовой зоны в другую. А еще — японский научно-фантастический фильм «Зеленая слизь», который я смотрел бесчисленное количество раз в маленьком кинотеатре на корабле. Фильм мне так нравился, что я посещал все сеансы: и на английском языке, и на итальянском.

В последующие три года мы еще два раза пересекли океан, потому что отец мой все никак не мог решить, где бы ему хотелось жить. Обстановка для его подрастающего сына была не самая стабильная, однако то, что я вырос в двух странах, в Австралии и в Австрии, помогло мне с языками и расширило кругозор. У еврея-подростка в Вене 1970-х годов, конечно, были свои проблемы. Одной из

них стали периодические антисемитские замечания нашего *Klassenvorstand*, классного руководителя в местной гимназии, *Gymnasium*. Одним из его любимых словечек было *Affentürkei**. Я тогда понятия не имел, что выражение было антисемитским, да и вообще расистским. Ксенофобская «шутка» в Вене того времени была в том, что Восток начинался прямо на востоке Дунайского канала, где до холокоста жило большинство евреев, включая моего отца. Но это место также стало домом для других этнических групп с востока — по отношению к прежней Австро-Венгерской империи, — в основном чехов и словаков. В 1970-х оно оставалось домом для небольшой еврейской общины, но у нее появились новые соседи из Югославии и Турции.

Даже если мне очень нравились те наши долгие прогулки к Мельбурнскому порту, во взрослой жизни я бессознательно выбирал для жизни окруженные сушей города. Из Вены я переехал в Иерусалим, а затем в Пасадену, штат Калифорния. Оба города находятся в часе езды от ближайшего пляжа.

Путевые дневники Эйнштейна — пожалуй, мои самые любимые документы, им написанные. Мне всегда нравился его своеобразный стиль, его колкие замечания о личностях, которых он встретил, и яркие описания шума и суеты в портах. Только позднее я стал замечать, как тревожат меня в его дневнике некоторые строки, в которых он сделал, по сути дела, ксенофобские комментарии об увиденных людях. Я стал спрашивать себя: как этот символ гуманизма может быть автором таких пассажей?

Ответ на этот вопрос, кажется, необходимо искать в современном мире, где ненависть к другому, иному, без-

* Обиходное название эмигрантского района Вены Бригиттенау. — Прим. изд.

Предисловие

удержно растет. Вновь и вновь обездоленные беженцы отчаянно пытаются спастись от казней и насилия на судах, не пригодных к плаванию, в результате чего иногда гибнут. А если выживают, оказываются приговоренными к пребыванию в лагерях для беженцев, условия в которых трудно назвать человеческими. Вновь и вновь родители исступленно пытаются оградить своих детей от опасности и отправляют их в путешествия, полные страшного риска и лишений. Вновь и вновь иноземцев винят во всех местных социальных бедах, и цементные стены с колючей проволокой, наряду с предубеждениями, отделяют их от остального мира.

В таких обстоятельствах более чем своевременно узнать, что даже человек — символ гуманитарной помощи, верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев, который как-то убедительности ради прибегнул к помощи плаката с фотографией Эйнштейна и прекрасной подписью: «Беженец привозит на свою новую родину не только узелок с вещами. Эйнштейн был беженцем», — также мог иметь ряд предубеждений и стереотипов о представителях других наций. Кажется, и самому Эйнштейну было порой очень трудно узнать себя в лице другого.

*Пасадена, Калифорния
Октябрь 2017 года*

Благодарности

Я выражаю глубокую признательность Аль Берtrandу, помощнику директора издательства *Princeton University Press*, за его чуткое руководство и ценные советы в работе над этой книгой. Я особенно благодарен Диане Бухвальд, директору проекта «Документы Эйнштейна», за ее проницательные советы и неустанную и щедрую помощь в работе над этой книгой. Я также благодарен Питеру Докерти, бывшему директору *Princeton University Press*, и Юргену Ренну, одному из руководителей Института Макса Планка в Берлине, за их великодушное одобрение и мудрые замечания. Без многолетнего дружеского сотрудничества с Кристиной Нельсон, куратором отдела литературных и исторических рукописей в библиотеке Пирпонта Моргана, это издание вряд ли появилось бы на свет.

С большим удовольствием я благодарю моих дорогих коллег по проекту «Документы Эйнштейна»: Барбару Вольфф и Нурита Лифшица — за содействие в моих архивных и библиотечных изысканиях и крайне полезные советы; Денниса Лемкуля, который ободрял меня и следил, чтобы я не сделал никаких научных ошибок; Эмили де Араужу и Дженни Джеймс, которые были мне прекрасными коллегами, и Джереми Шнайдера за неоценимую помощь.

Мне принесла громадное удовольствие работа с необычайно компетентным редакторским коллективом *Princeton University Press*, в который входят: Терри О'Прей,

помощник редактора, Крис Ферранте, дизайнер, Дмитрий Каретников, специалист по иллюстрациям, и Сид Уестмореланд, мой редактор, любящий скрупулезный труд и отличающийся замечательным профессионализмом.

Я также крайне признателен Рони Гросс и Шае Беккер, заведующим Архивом Эйнштейна, за их любезность и помощь в работе с документами и разрешении вопросов с авторскими правами, Томасу Ф. Глику за его ценные комментарии, Маюко Акаги из университета Хитоцубасы, Анату Банину из Центрального сионистского архива, Джоан Бидер из Калифорнийского университета в Беркли, Браянне Крегль из библиотеки Принстонского университета, Шимону Диасу из Японской Академии, Лизе Гинзбург из Лос-Анджелеса, работникам издательства «Коданся» (*Kodansha*) в Токио, Юки Огаве из Музея истории кораблестроения и мореходства в Йокогаме (*NYK Maritime Museum*), Х. Оое из Университета Васэда, Мэрилин Пальмери из библиотеки при музее Моргана, хранителям коллекции карт Дэвида Рамзи, Эллен Сандберг из Архива исторических изображений имени Грейнджера, Майклу Симонсону из Института имени Лео Бека, Хидеки Сугимото из Университета Осаки, Жан-Мишелю де Таррагону из французского Института изучения Библии и библейской археологии (*École Biblique*) и Хуану Хосе Виллару Лихарсио из Главного архива администрации (*Archivo General de la Administración*) за их помощь в вопросах авторского права при публикации факсимиле и иллюстраций; Халли Шеффер и Кристин Зодроу в издательстве *Princeton University Press* за совместную работу над этим изданием; Джону Вейду, Дану Агулке, Бианке Риос, Бену Пересу из отдела межбиблиотечного абонементов за неустанную энергию, с которой они способствовали доставке крайне необычных документов, мною запрошенных.